

Страна должна быть матерью для своих детей

Светлана Евгеньевна Бочарова, председатель Центрального совета Международного общественного информационно-просветительского Движения «Добро — без границ», автор и руководитель благотворительной программы «Право на семью — Приемные семьи» — давний друг нашего журнала. Мы много раз беседовали с ней о семейном воспитании детей-сирот и защите прав ребенка и семьи. Сегодня «Добро — без границ» ежегодно оказывает помощь нескольким тысячам детей, оставшихся без попечения родителей, опекает около тридцати приемных семей, в которых воспитывается более 150 детей-сирот. Специалисты Движения разработали два законопроекта, суть которых известна нашим постоянным читателям: речь идет о правовом статусе семьи и семейных форм воспитания сирот, о реформе органов опеки и попечительства, о дифференцированном детском социальном стандарте для поддержки семьи взамен позорного 70-рублевого пособия. Проекты были поддержаны многими депутатами Думы прошлого созыва и в декабре 2003 года отправлены на экспертизу в правительство России. Официального ответа до сих пор не получено. Со времени нашей первой встречи со Светланой Евгеньевной прошло уже четыре года — срок немалый, и мы решили сделать что-то вроде обзора сегодняшнего состояния многократно обсужденных проблем.

— Какова же судьба ваших законопроектов в нынешней Думе? Пришел ответ?

— Официального ответа все еще нет. Более того, и след наших проектов затерялся. Мы заново подготовили пакет и передали в феврале-марте прошлого года уполномоченному по правам человека Лукину и председателю думского комитета по делам семьи, молодежи и детства Лаховой. И снова — глухо. По неофициальным каналам доходит противоречивая информация. То говорят, что проект получил отрицательный отзыв, то оказывается, что отзыв в целом положительный, но требуется экономическая проработка. Когда же я попросила дать мне посмотреть документы с заключением, снова оказалось, что их потеряли. Недавно я встречалась с бывшим депутатом Апатенко, одним из тех, кто подписал проект, теперь он работает в министерстве образования и науки, как раз по ведомству детских домов и других воспитательных учреждений. Я говорю: «Вы же знаете, в чем суть, вы поддержали, давайте же решать вопросы!» Но он только вежливо улыбнулся. Я дважды за последнее время выступала на парламентских слушаниях. Хорошо, пусть к нашим проектам отнеслись отрицательно, пусть наши предложения не приняты — давайте искать пути.

— А может быть, положение уже изменилось к лучшему? Вот была же президентская программа профилактики сиротства и безнадзорности, приняты какие-то меры поддержки молодых семей...

— О том, что изменений к лучшему нет, признал сам президент в своем послании. Он отметил, что в России сложилась критическая демографическая ситуация... Президентская программа, о которой вы упомянули, не выполнена. За время действия программы «Дети России» и сирот стало больше, и количество безнадзорных детей увеличилось. Положение многодетных семей ухудшилось. Зато готовится новая государственная программа, до 2010 года. Ее проект, который сейчас обсуждается, выдержан, что называется, в лучших бюрократических традициях, это образец умопомрачительного пустословия.

— Была ли принята хоть одна поправка в законодательство для защиты прав детей и семьи.

— Нет. Зато был принят 122-й закон, во многом ухудшающий положение семьи и детей. Мало кто не слышал о том, как несколько барнаульских матерей с детьми-инвалидами в попытке защитить их и свои нарушенные права добивались в Москву на электричках... Еще когда закон готовился, общественные организации направили в Думу одиннадцать страниц поправок, в основном касающихся прав инвалидов. Ни одна из них не была учтена. На все предложения чиновники разводят руками — нет денег! Поймите, я не против самого принципа этого закона, и если бы с отменой льгот дети-инвалиды (мы говорим теперь о них) получили достойную пенсию, а семьи — достойную поддержку от государства, разумеется, он не вызывал бы у меня никаких возражений. И в этом нет ничего невозможного. Должны существовать четкие экономические механизмы реализации социальных выплат. Такие, какие предложены в нашем проекте закона о детском социальном стандарте. Сегодня же экономическая политика государства в этой области способствует развитию сиротства. Судите сами: в кровной семье пособие по-прежнему составляет 70 рублей на ребенка в месяц, в опекунской — около двух с половиной тысяч, а расходы на содержание воспитанника в московских детских домах увеличилось до 40 тысяч рублей в месяц — это данные Мосгордумы. Четыре года назад сумма на ребенка в обычной семье выделялась в 200 раз меньше, чем на воспитанника детдома, а сейчас этот раз-

рыв увеличился еще втрое! И это при том, что около 80 процентов этих денег составляют «накладные расходы» и лишь мизерная часть идет непосредственно на нужды ребенка, а неэффективность самой системы государственного воспитания сирот и инвалидов стала буквально общим местом, этого не отрицают сами чиновники высокого ранга. И мы с вами не раз об этом говорили. Хотите, поговорим еще. Вот как раз свежий пример.

Недавно я была в Норильске и услышала от местного депутата Людмилы Проскураковой о жуткой ситуации в специальной коррекционной школе-интернате для детей с умственной отсталостью. Там сейчас около трех сотен детей, большинство сироты, дети из неблагополучных или малообеспеченных семей. Две общественные организации бьют тревогу: в школе грубо нарушаются права детей, они подвергаются насилию, в том числе сексуальному, администрация присваивает сиротские деньги. Местная телекомпания «Северный город» сняла два репортажа, я их видела. Дети сами говорят об ужасных условиях, жестоком обращении. Норильская и Красноярская прокуратуры, департамент образования игнорируют многочисленные обращения и письма. Наконец 26 апреля в интернате происходит ЧП. Цитирую письмо директора одной из тех организаций, которые пытаются вмешаться в ситуацию: «В ночь с воскресенья на понедельник, в 10 часов, когда детей нужно было укладывать спать, дежурные воспитатели обнаружили, что все старшие дети пьяны (отмечали день рождения школьного «авторитета»), попытались с ними справиться сами, но в результате им пришлось спастись бегством. Когда около 11 часов приехала директор в сопровождении мужской части педколлектива, то обнаружила старших девочек в душевой, а младших в туалете, где они пытались спастись от приставаний пьяных подростков». Правозащитники передали через меня все материалы в Генпрокуратуру России, кроме того, пользуясь случаем, я недавно спросила Красноярского губернатора Хлопонина, знает ли он о том, что происходит в Норильске. Вопрос прозвучал по телевидению, в прямом эфире. Буквально на другой день в Норильске поднялся шум. Ну хорошо, нашлись там три женщины, которые вынесли сор из избы. Создали комиссию по расследованию, но, несмотря на наши просьбы, ни одного представителя общественности в нее не включили. Эта история — не исключение из правил, а проявление закономерности.

Из обращения к Генеральному прокурору РФ профсоюзу «Люди дела» и общественной организации «Норильский социальный проект»:

У нас имеются письменные свидетельства воспитанников интерната о том, что:

- в интернате их бьют (и старшие воспитанники, и работницы интерната);
- в качестве наказания за любую провинность детей направляют «на курс лечения» в психоневрологический диспансер;
- побеги воспитанников-сирот из интерната — дело обычное, и в это время их никто не ищет, зачастую в период этих побегов воспитанниками совершаются противоправные деяния. Имеются рассказы детей и письменные обращения, в которых речь идет о половом насилии над воспитанниками интерната.

Вот что пишет «директору гороно» одна из воспитанниц (обильные грамматические ошибки исправлены):

«У нас в школе плохо жить, нас обзывают, и кладут в психушку и заставляют пить какие-то таблетки, после них нам плохо, болит голова, язык немеет и трудно ходить. Нам еще и бьют. За любое нарушение дисциплины нас жестоко наказывают и вызывают бригаду (скорая помощь из ПНД). Мы уже с девочками жаловались Вам на учителя физкультуры. Но он продолжает у нас работать, а мы его очень боимся. Потому что он отомстит всем за то, что жаловались на него. Мы даже по коридорам боимся ходить, когда он в школе. У нас взрослые мальчишки насилуют девочек. Но директору жаловаться бесполезно, она нам не верит и говорит: вон из кабинета! Заступитесь за нас, пожалуйста, и поверьте нам, ведь мы не врем, мы не хотим так жить, помогите нам».

— Ну а семейные формы воспитания сирот развиваются?

— Понемногу. Прекрасно работает, например, «Родительский мост» в Санкт-Петербурге, занимающийся усыновлением. Появилась организация Нasti Добровольской в Москве, это новая форма семейного устройства детей, так называемая принимающая семья. Она принимает детей, оставшихся без родительского попечения, помогает им найти семью. То же самое делает семья Карповых в Дмитрове, они зарегистрированы — с большим трудом! — семейный детский дом «Феникс».

Я уверена, за это время могло бы появиться много новых приемных семей, есть много желающих усыновить или взять под опеку сирот, но они сталкиваются с чудовищными бюрократическими препятствиями и систематическим вымогательством. На коммерческую ногу поставлено и зарубежное усыновление, вызывающее столько споров. Скажу честно: в принципе я против того, чтобы российские дети воспитывались за границей, и сейчас объясню, почему. Это логическое продолжение мысли о семейном воспитании. Если считать, что страна должна быть матерью для своих детей, ясно, что им лучше оставаться в родной семье. Но что делать, если мать не заботится о детях? Их изымают и передают в другие руки. И, разумеется, сегодня было бы

бесчеловечно отнимать шанс у сирот вырасти в нормальной американской или немецкой семье.

— Наладились ли взаимоотношения гражданского общества и власти?

— У общественных организаций, занимающихся проблемами детства, появился свой «почтовый ящик» — Элла Памфилова, председатель Всероссийского союза «Гражданское общество — детям России», который объединяет около шестисот общественных организаций. Мы собираемся на координационный совет и выкладываем наши идеи, а она примерно раз в месяц доносит их до адресата, то есть президента.

— Но это же совершенно ненормально! Это не гражданское общество, а что-то феодально-допотопное!

— Увы, это так. На последнем совете выдвинули идею: создать новую государственную структуру — Министерство семьи и детства. Как будто новая структура что-то изменит! И ни одна программа борьбы с детской безнадзорностью, преступностью не решит социальных проблем. Надо не латать старое, проеденное молью одеяло, а кроить новое. Надо менять всю государственную политику в области детства. Власть должна проявить политическую волю и помочь гражданскому обществу изменить ситуацию за счет гуманизации законов, усиления института семьи.

Вот некоторые выдержки из документа под названием: «Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2010 года. (Национальный план действий в интересах детей.) Проект».

Из введения: «Реализация мер государственной социальной политики в предшествующее десятилетие позволила обеспечить максимально возможное в рамках имевшихся ресурсов сохранение базовых гарантий обеспечения жизнедеятельности и развития детей и минимизацию потерь в уровне жизни; сохранение доступа детей к системам образования и здравоохранения, развитие различных форм материальной поддержки семей с детьми; гуманизацию обращения с детьми на основе уважения прав ребенка; создание механизмов профилактики и социальной реабилитации детей в условиях возникновения новых социальных рисков; законодательное обеспечение прав детей и мер политики по отношению к детям».

Попробуйте пересказать своими словами или хотя бы объяснить, о чем это. Ну а уж о том, сколько в этом правды...

Далее так же внятно определяются «Цели, приоритеты и этапы государственной социальной политики в интересах детей до 2010 года»: «Стратегической целью ее является создание необходимых правовых, социально-экономических, социокультурных условий для физического, психического, духовного, социального, эмоционального, познавательного и культурного развития детей...» Продолжение требуется?

Первый этап охватывает период 2005–2006 годов. За эти годы (авторы проекта переходят на бодрое будущее время) «будет осуществлен перелом в положении российских детей, находящихся в особо сложных обстоятельствах, сформируется позитивная тенденция снижения масштаба бедности, сложатся правовые и организационные механизмы сокращения детской безнадзорности, проституции, наркомании и алкоголизма, прекратится рост социального сиротства». И т. д. Мед бы пить этими устами.

«На втором этапе (2007–2010 годы) предстоит сосредоточить внимание и имеющиеся ресурсы на повышение качества таких ключевых сфер жизнеобеспечения детей, как образование, здравоохранение, культура, досуг» и т. д. Значит, на первом этапе будем вычерпывать воду из тонущей лодки. А как всю вычерпаем, чинить будем.

И ведь не голословно задачи ставятся — конкретные цифры обозначены, все по плану: число абортоснизится к 2010 году до 32–34,3 на 1000 женщин, доля детей с задержкой роста сократится на треть от уровня 2000 года.

А вот нечто интересное: под пунктом (а) в списке мер, необходимых «для достижения поставленных задач» — последний пункт обозначен буквой (щ)! — значит «обеспечение приоритетных различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей; дальнейшей рационализации порядка и процедур усыновления детей!»

Механизмы реализации всего списка, от (а) до (щ), уместились на полтора страничка: законодательное закрепление, адекватное финансирование, информационное и кадровое обеспечение, координация и контроль — кто бы спорил!

Наконец, заключительное указание: «Должно быть обеспечено широкое информирование населения о положении детей и ходе реализации Основных направлений».

Просим данную публикацию рассматривать как вклад журнала «Семья и Школы» в организацию реализации...

Наталья Мавлевич